

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА АКУТАГАВЫ РЮНОСКЭ

М. М. Шкут

*ГУО «Институт теологии им. Свв. Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета», г. Минск;
marina.shkut.021@gmail.com;
науч. рук. – Н. С. Семенов, канд. ист. наук, доц.*

В статье рассматривается взаимосвязь между заинтересованностью японских авторов, в частности Рюноскэ Акутагавы, христианством и их стремлением углубиться в западную культуру. Автор анализирует ряд произведений писателя, выделяет христианские образы и устанавливает параллели со Священным Писанием. Изучив биографию Акутагавы и его творчество, можно прийти к следующему выводу: христианство стало катализатором утверждения японской национальной идентичности. Японцы привнесли новые идеи в христианскую практику, тем самым сделав собственное – «японское» христианство.

Ключевые слова: христианство; Япония; Рюноскэ Акутагава.

В начале XX века в культурной жизни Японии нашли отражение такие характерные для европейской культуры того времени тенденции, как акцентирование внимания на человеческой личности, подчеркивание ее особого значения. Среднестатистический японец в эпоху Токугава редко испытывал чувство собственной значимости. Новые представления нашли отражение в японской литературе, потому в этот период появляется огромное разнообразие литературных направлений и жанров. Появляется, в том числе, христианская литература [5].

В эпоху Тайсё широко распространяются идеи космополитизма, универсализма и либерализма, с одной стороны, и растущее чувство имперской идентичности японцев, с другой. Акутагава Рюноскэ начинает увлекаться иностранными, экзотическими культурами, включая христианство, и пишет ряд рассказов. Акутагава указывает на различия между христианством и японской религией. По мнению автора, христианству не прижиться в Японии. По крайней мере в «неискаженной японской культурой» форме.

Рюноскэ Акутагава (1892–1927) родился в Токио в семье небогатого торговца Тосидзо Ниихара. Мальчик рано потерял мать, и был вынужден жить у своего дяди – Митиаки Акутагавы, чью фамилию он позже взял. В 1913 году Акутагава поступил в Токийский Императорский университет на отделение английской литературы, где спустя год опубликовал в университетском литературном журнале «*Синситё*» («Новое Течение»)

свой первый рассказ «Старик». С этого времени начинается активный 13-летний период его творческой деятельности [4, с. 127].

Отдельную группу произведений Акутагавы составляют его рассказы на христианскую тематику. Отношение к христианству у Акутагавы трансформировалось на протяжении всей его жизни, но писатель всегда оставался непоколебимым в своей вере в превосходство искусства над религией. В своем последнем эссе «Люди Запада II» Акутагава объясняет каким образом развивался его интерес к христианству: «Я любил христианство, в частности католицизм, с художественной точки зрения. Это было лет десять назад. <...> Затем, несколько лет назад, меня начали интересовать христианские мученики, погибшие за свою религию. Только недавно я наконец полюбил человека по имени Христос, которого четыре биографа передали нам».

Нельзя воспринимать слова Акутагавы «я начал любить человека по имени Христос» как проявление религиозного интереса к образу Христа. Со стороны Акутагавы это скорее отрицание, потому как для него Христос – это художник. Его работы начала 1920-ых годов, отчетливо демонстрируют критическое отношение к христианским догмам, особенно по сравнению с японскими религиозными и культурными ценностями.

Одним из лучших примеров, иллюстрирующих раннее позитивное восприятие Акутагавой христианства, является его рассказ 1918 года под названием «Смерть христианина», в котором отчетливо проявляется его интерес к мученическому действию. История повествует о сироте по имени Лоренцо, которого воспитывали иезуиты в Нагасаки. Монах рос набожным и образцовым христианином, но однажды девушка обвиняет его в том, что он является отцом ее ребенка. Никто не поверил словам Лоренцо, и ему пришлось бежать на окраину города и жить в нищете. Около года спустя в Нагасаки разгорелся огромный пожар. Маленькая дочь «Лоренцо» оказалась одна в горящем доме. Люди не могли пробиться внутрь, но затем из ниоткуда появился Лоренцо, бросился в огонь и спас ребенка в обмен на свою жизнь. Благодарная мать признается, что оклеветала монаха. Получивший смертельные ожоги монах погиб, и под обгоревшей одеждой все видят девическую грудь – свидетельство полной невинности погибшей. То, как описываются самоотверженный поступок Лоренцо и ее возможное мученичество, предполагает, что Акутагава приветствует такой альтруистический акт мученичества, что также ясно засвидетельствовано в описании смерти Лоренцо. Лоренцо изображен образцом человека, который изящно умер, с «мирной улыбкой на губах» [3].

Однако эта история не лишена критического изображения христианства. В то время как Лоренцо изображен как образец христианина, все

остальные христиане показаны довольно жестокими и лицемерными в том, как они обращаются с Лоренцо, когда ее подозревают. Даже Симеон, который рос с Лоренцо как брат, или священник, заботившийся о Лоренцо, не поверил в ее невиновность. Поэтому сомнительно, что намерение Акутагавы состояло в том, чтобы восхвалять само христианство. Его внимание, скорее всего, было сосредоточено на человеческом акте смерти ради других и на «красоте», порожденной этим актом.

«Нанкинский Христос» – еще одно произведение Акутагавы, где он затрагивает христианскую тематику. Эта история о 15-летней девушке по имени Сун Цзинь-хуа, вынужденной торговать своим телом, чтобы прокормить себя и отца – уже немощного старца. Мать ее была католичкой, и потому воспитывала дочь в христианской вере. От нее девушке досталось лишь распятие, которое висело на стене в комнате. Цзинь-хуа молится перед распятием, и ее угнетает то, что она занимается «позорным ремеслом». Христос для нее – не карающий, а милостивый Бог. Когда один человек упрекает ее в недостойном занятии, она отвечает ему: *«Я думаю, что господин Христос на небе Сам, наверное, понимает, что у меня на сердце. Иначе господин Христос был бы все равно, что полицейский из участка в Яоцзякао»* [2].

Через какое-то время девушка заболевает сифилисом, и перестает принимать гостей. Приятельницы пытаются помочь ей, предлагая различные лекарства. Одна из них же советует передать свою болезнь другому. Цзинь-хуа молится Господу о даровании ей смирения, потому как она не желает никому зла или смерти.

Однажды к ней приходит иностранец. Его лицо кажется девушке таким родным и близким, но она все равно не может вспомнить своего гостя. Когда ее взгляд падает на распятие, Цзинь-хуа решает, что перед ней стоит сам Христос. Девушке кажется, что ее гость – тот самый Бог, который Один может «взять на Себя все скорби и болезни» и не пострадать при этом. Она впервые ощутила чувство любви и нежности. Ночью Цзинь-хуа снится сон, в котором Христос говорит ей, что утром она очнется здоровой. Проснувшись, девушка осознает, что болезнь отступила. Никто не осмелился рассказать юной китаянке правду о ее ночном госте, который был обычным человеком. Цзинь-хуа живет, продолжая верить в чудесное исцеление, потому как кроме Христа у нее не было никого, кто бы смог ее защитить и поддержать [2].

В своей рассказе Акутагава вновь акцентирует внимание на альтруистичных порывах души главной героини. Ее душа – чистая и светлая, и ее не смогло запятнать ничто мирское. Цзинь-хуа никогда ничего не просила для себя, и не обвиняла других в том, как сложилась ее жизнь: ни отца, ни других людей, ни, тем более, Бога. Потому девушка, по воле

Божьей и благодаря своей вере в Господа, и исцелилась. «Христос из Нанкина» – это тот образ, который принял Христос из Назарета для укрепления веры больной девушки, явившись ей во сне.

В этом произведении также можно найти параллель между главной героиней и Девой Марией. Точнее, сопоставление этих двух образов. Дева Мария, «не знавшая мужа» и Цзинь-хуа, торгующая своим телом. За Пресвятой Девой приглядывал старец Иосиф, в то время как Цзинь-хуа из-за старика-отца приходится оберегать не только себя, но и его. Но есть между ними и общее. Это их вера и абсолютное доверие Богу. Как Пресвятая Дева Мария смиренно произнесла во время Благовещения: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1:38), так и бесконечно предана была Господу юная китаянка. Когда к ней пришел незнакомец, единственное, что волновало ее – как не причинить вреда невинному человеку, не заслуживающему такой ужасной участи, на которую она сама была обречена. Вот почему, чтобы отбросить сомнения девушки, Господь явился ей в сонном видении, приняв образ ночного гостя. И она поверила в чудо.

24 июля 1927 года Акутагава покончил с собой, приняв смертельную дозу снотворного. Его смерть потрясла японское общество, близко затронув не только его родных и друзей, но и всех знавших его как писателя хотя бы по имени. Жизнь и смерть Акутагава были восприняты всем японским обществом как архетип жизни художника. В 1935 году Кикучи Кана была основана литературная премия имени Акутагавы, которой и сейчас награждаются лучшие произведения молодых писателей Японии.

В ночь перед самоубийством Акутагава закончил эссе под названием «Люди Запада II» («*Zoku saiho no hito*»), продолжение «Люди Запада» («*Saiho no hito*»), написанное двумя неделями ранее о Христе. У его постели лежал Новый Завет. Но, несмотря на кажущийся окончательный поворот к религии, на протяжении всей своей жизни Акутагава был последовательным в своей вере в превосходство искусства над чем угодно, включая религию и даже жизнь. Христианство сыграло важную роль в его творчестве, потому что именно благодаря сопоставлению христианства с японской религией он начал видеть свою родную культурную и религиозную среду с новой точки зрения и пришел к выводу о пользе такой религиозной среды. Именно через это сравнение он определил то, что он называет «возрождающей силой», которая составляет его философию художественного творчества. Вполне возможно, что его положительное отношение к японской религии было связано с ее близостью к процессу художественного творчества.

Роль его смерти в этом «возрождении» могла быть тем, что Акутагава видел во Христе. Христос был идеальным образцом для Акутагавы, что-

бы оправдать его самоубийство, когда он посвятил свою жизнь своему искусству. Превращение религиозного Христа в художника Христа было проявлением Акутагавой превосходства искусства, в котором даже сама жизнь была превращена в простой указатель в его произведениях.

Таким образом, для Акутагава Рюноскэ вопрос христианской веры был не столько личным делом, сколько почвой для своего творчества. Акутагава продемонстрировал сильное чувство безотлагательности установления своих национальных, религиозных и художественных идентичностей, когда он столкнулся с западной религией – христианством.

Христианский писатель – относительный новичок на японской литературной сцене, несмотря на значительную роль, которую христианство сыграло в развитии литературы нового и новейшего времени. Таким образом, главной задачей для японских авторов того периода была попытка трансформировать опыт обращения в христианство в литературные произведения, доступные для непосвященного японского читателя.

Библиографические ссылки

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 1376 с.
2. *Рюноскэ Акутагава* Мадонна в черном (сборник). Нанкинский Христос. пер. Н. Фельдман / Акутагава Рюноскэ. - Санкт-Петербург: Абзука, 2012. – 320 с.
3. *Рюноскэ Акутагава* Новеллы (сборник). Смерть христианина. / Акутагава Рюноскэ. – Москва: Худлит, 1974. – 320 с.
4. *Чегодарь, Н. И.* Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами / Н.И. Чегодарь. – Москва : Вост. лит., 2004. – 222 с.
5. *Sasabuchi, Y.* Kirisutokuyō to Nihon kindai bungaku («Христианство и современная японская литература»)/Y. Sasabuchi. – Токуо: Nihon no shingaku, 1963. – 153 p.